

И. Л. Честнов

доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации

Российская Федерация, 191014, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44

ORCID: 0000-0003-2083-5876. E-mail: spb-agprf@mail.ru

Безопасность в «обществе риска»

Аннотация: Статья посвящена проблеме безопасности. Безопасность как объект исследования рассматривается в историческом и социокультурном контексте. Теоретические представления и проблемы безопасности в «обществе риска» – предмет исследования. Постклассическая методология, используемая автором, предполагает анализ безопасности в историческом и социокультурном контексте. Таким контекстом является постсовременное общество, для которого характерны риск и неопределенность. В связи с этим автор предлагает пересмотреть устоявшиеся представления о безопасности. Безопасность включает два измерения – объективное и психическое (ментальное, субъективное), которые взаимно дополняют друг друга. В таком случае, безопасность – это конструируемые властью представления о защищенности личности, государства, общества. Конструируемость и релятивность безопасности – важнейшие ее характеристики в «обществе риска». Сегодня безопасность – одно из фундаментальных прав человека. Содержание безопасности как права человека одновременно является мерой свободы. Это право обеспечивается мерами безопасности, вырабатываемыми и реализуемыми государством и гражданским обществом. Такие меры направлены на личность, от которой может исходить угроза безопасности, и охраняемый объект. Эти меры являются исторически изменчивыми и относительными к тем угрозам, которые представляются наиболее актуальными.

Ключевые слова: безопасность, «общество риска», меры безопасности.

Для цитирования: Честнов И. Л. Безопасность в «обществе риска» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2 (86). – С. 65–71. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-65-71.

Ilya L. Chestnov

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

St. Petersburg Law Institute (branch)

of University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation

44, Liteyny pr., Saint-Petersburg, 191014, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-2083-5876. E-mail: spb-agprf@mail.ru

Secure in «risk society»

Annotation: This article is about secure issues. Secure as the object of research is considered in the historical and socio-cultural context. Theoretical representation and secure issues in “risk society” is the object of research. The post-classical methodology used by the author assumes the analysis of security in the historical and socio-cultural context. This context is a post-modern society characterized by risk and uncertainty. In this regard, the author suggests reviewing the established ideas about security. Security includes two dimensions – objective and mental (mental, subjective), which complement each other. In this case, security is the idea of the security of the individual, the state, and society constructed by the authorities. Constructability and relativity of security are its most important characteristics in the «risk society». Today, security is one of the fundamental human rights. The content of security as a human right is also a measure

of freedom. This right is guaranteed by security measures developed and implemented by the state and civil society. Such measures are aimed at the person who may pose a security threat, and the protected object. These measures are historically variable and relative to the threats that appear to be most relevant.

Keywords: security, “risk society”, security measures.

For citation: Chestnov I. L. Secure in «risk society» // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 2 (86). – P. 65–71. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-65-71.

Безопасность всегда была одной из базовых универсальных ценностей человечества. Особую роль безопасность начинает играть в пост-современном обществе, именуемом «обществом риска». Очевидно, что право и юридическая наука не могут быть индифферентными к такому важнейшему феномену жизнедеятельности человека, как безопасность. Однако до сих пор эта категория не получила должное, адекватное изменяющемуся историческому и социокультурному контексту осмысление в философии и теории права. Немногочисленные работы, в которых исследуется безопасность, относятся преимущественно к теории административного и уголовного права, криминологии. Будучи межотраслевой категорией, безопасность требует концептуализации в философско-правовом, общетеоретическом ракурсе, тем более, что определение безопасности принципиально важно для формализации меры свободы как содержания права. Такой, претендующий на межотраслевой анализ, подход предлагается в настоящей статье.

Проблема безопасности в социальной философии и социологии становится востребованной в 90-х гг. XX в. Полагаю, что это обусловлено формированием нового типа общества – постиндустриального, глобального, подверженного перманентной неопределенности. Немецкий социолог У. Бек дал ему емкое название «общество риска». [2]

Постсовременное общество отличается двумя противоположными тенденциями. С одной стороны, оно является рефлексивным. «Рефлексивность современной социальной жизни заключается в том факте, – пишет один из наиболее авторитетных социальных философов современности Э. Гидденс, – что социальные практики постоянно исследуются и реформируются в свете вновь поступающей информации об этих же практиках, меняясь в результате этого в самых своих основах. Нам следует четко представлять себе природу этого явления. Все формы социальной жизни отчасти создают-

ся знанием о них агентов» [4, с. 156]. С другой стороны, рефлексивность, встроенная в воспроизводство социальной системы, приводит, как это ни парадоксально, к росту неуверенности, к «онтологической неопределенности». «Тогда, когда требования разума вытесняли требования традиции, казалось, что они обеспечивают большее чувство уверенности, чем ранее существовавшие догмы. Но эта мысль представляется убедительной лишь до тех пор, пока мы не замечаем, что рефлексивность в действительности подрывает разум, во всяком случае там, где разум понимается как приобретение достоверного знания. Современность образуется в рамках и посредством рефлексивно применяемого знания, но приравнивание знания к достоверности оказалось неверно понятым. Мы заброшены в мир, который с начала и до конца образован посредством рефлексивно применяемых знаний, но в котором мы в то же время никогда не можем быть уверены в том, что какой-либо данный элемент этого знания не будет пересмотрен. ... В науке ничто не достоверно и ничего не может быть доказано, даже если усилия науки обеспечивают нам самую надежную информацию о мире, на которую мы только можем надеяться. В самой сердцевине мира строгой науки спонтанно движется современность... Никакое знание в условиях современности не есть знание в “старом” смысле, где “знать” значит “знать достоверно”» [4, с. 126–127]. Может быть, не всё высказанное знаменитым английским ученым можно считать бесспорным, но отрицать, что наука в информационном обществе утратила свой привилегированный статус, сегодня не приходится. Осознание сложности, непредсказуемости, стохастичности социального мира, например, синергетикой, вынуждает науку отказаться от широкомасштабных прогнозов и проектов «разумного переустройства мира», о чем мечтали в эпоху Просвещения. Сегодня мы знаем гораздо больше того, что мы не знаем, например, почему произошло снижение преступности в начале 2000-х гг. или когда случится новый экономиче-

ский кризис либо новая пандемия. Осознание границ научной рациональности вынуждает науку быть гораздо более скромной, что не отрицает необходимости новых научных исследований.

Основные характеристики «общества всемирного риска» достаточно емко сформулировал У. Бек. «Современные общества до основания сотрясает глобальное предчувствие глобальных катастроф (изменение климата, финансовый кризис). Такое восприятие глобализированных, искусственно созданных рисков и неопределенности характеризуется тремя признаками:

Делокализация. Причины и следствия описанного восприятия не ограничиваются одной географической местностью, в принципе, они присутствуют везде.

Невозможность просчитать. Их последствия не поддаются подсчёту в принципе; в итоге это вопрос «гипотетических» или «виртуальных» рисков, которые не в последнюю очередь базируются на стимулируемом с научных позиций незнании и нормативном несогласии.

Невозместимость. Мечты о безопасности, которые были присущи европейскому модернизму XX века, основывались на научной утопии, которая состояла в том, чтобы сделать небезопасные последствия принятия решения контролируемым процессом: аварии могли происходить постольку, поскольку считалось, что ущерб от них можно компенсировать. Если климат изменился необратимо, если достижения в генетике позволяют необратимо воздействовать на само существование человека, если происходит крупная авария седьмого уровня (авария на АЭС, например, в Чернобыле или на «Фукусиме»), тогда уже поздно. С учетом нового качества угроз человечеству логика компенсации нарушается, на смену ей приходит принцип «предосторожность через превентивные меры» [3, с. 484–485].

В результате сегодня «происходит переход от положительного понимания безопасности к отрицательному. Это понятие все меньше отождествляется с идеями социальной принадлежности, солидарности, взаимопомощи, демократического признания суверенности личности и ее участия в общественной жизни; в противовес ему утверждается постдемократическая концепция безопасности как прямой защиты индивидов от возможных актов агрессии и как полицейских репрессий с целью сурового наказания нарушителей» [9, с. 14].

Безопасность традиционно трактуется в классической философии и науке, а также в зако-

нодательстве как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие страны. В современной научной литературе безопасность как защищённость конкретизируется через «устойчивое развитие», «стабильность» общества [11, с. 14]. Ю. Ю. Басова «на основе анализа научных позиций относительно понятия “общественная безопасность”» даёт авторское определение понятия «общественная безопасность» как «достаточное состояние защищённости общественных отношений, которые направлены на обеспечение беспрепятственной реализации жизненно важных интересов личности, общества и государства, предупреждение, локализацию и ликвидацию условий и факторов, создающих потенциальную или реальную угрозу для их существования, и достигается в результате деятельности системы уполномоченных органов государственного управления как общей, так и специальной компетенции, государственными и негосударственными организациями и гражданами» [1, с. 66].

«В философском смысле общественная безопасность, – утверждает А. В. Степанов, – вбирает в себя два начала: безопасность как надёжность существования и устойчивость развития любых объектов социальной природы и общество, представляющее собой совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей. Этот подход обусловил вывод о том, что общественная безопасность есть безопасность не только здоровья отдельного члена общества или коллектива (группы), это и безопасность их имущества, чести, достоинства, нравственности. Это – безопасность всех основных компонентов отдельной личности или коллектива, которые представляют собой некую совокупную ценность, охраняемую моральными и правовыми нормами» [13, с. 31–32]. Его авторская позиция определения общественной безопасности сводится к «государственно-правовому институту, включающему комплекс механизмов и структур по обеспечению состояния защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от угроз в различных областях общественной жизни (социальной и международной, правоохранительной, пожарной, химической, биологической, ядерной, радиацион-

ной, гидрометеорологической, промышленной и транспортной)» [13, с. 37].

Спорить о том, что безопасность – это состояние защищённости личности – государства – общества, очевидно, бессмысленно. Гораздо важнее выяснить, какие изменения происходят в феномене «безопасность» в «обществе риска». Они – трансформации безопасности – связаны прежде всего с так называемым «медиальным поворотом», который произошел в конце XX – начале XXI вв. В. В. Савчук полагает, что медиаальный поворот, приходящий на смену лингвистическому, есть «онтологическое свидетельство изменения реальности, — что бытие и медиареальность отождествляются и взаимозаменяются, растворяясь друг в друге. Этапы его становления таковы: действительность опосредована мышлением, мышление — языком, язык – знаком, знак – медиа. Надстраиваясь друг над другом, “бытие” в современных условиях дается только через медиа» [12, с. 24]. Тем самым становится очевидной диалогическая взаимодополнительность внешних аспектов безопасности (или безопасности в объективном измерении) и внутренних, психических или ментальных («субъективной стороны» безопасности). На основе анализа современной англо-американской литературы (преимущественно криминологической) А. Л. Гуринская выделяет два измерения безопасности. «В объективном смысле безопасность представляет собой состояние, в котором либо отсутствуют угрозы, либо существует защита от угроз или от вероятности наступления вреда, либо есть возможность уклониться от угрозы и избежать вреда. Если угроза уже существует в настоящее время, то предполагается, что мы должны от нее защищаться или же ее избегать, но как быть с угрозами, которые только могут возникнуть в будущем.... Субъективная сторона безопасности заключается в том, что наличие или отсутствие угрозы не всегда является объективным феноменом. Мы можем полагать, что угроза существует, а на самом деле ее нет, и наоборот. Далеко не всегда ощущение безопасности в принципе соотносится с угрозой. ... Учитывая то обстоятельство, что люди редко осведомлены о реальном состоянии дел, их восприятие угроз может, в принципе, не иметь никакого отношения к действительности. Тем более, что многие угрозы могут долгое время никак не обнаруживать себя. Кроме того, люди могут чувствовать себя небезопасно не потому, что им реально что-то угрожает, а потому, что они видят, что окружающие предпринимают какие-

то меры по защите. Даже, казалось бы, объективные показатели наличия угрозы, такие как показатели состояния и уровня преступности, существенно зависят от таких субъективных характеристик, как доверие граждан к полиции и суду и желание сообщать о совершенных преступлениях. Не всегда криминализация является ответом на реально возникающие угрозы. Она может быть результатом “моральной паники”, объективно не мотивированного повышенного уровня страха населения перед тем или иным видом поведения» [8, с. 80-81].

В этой связи важно подчеркнуть, что эти два аспекта безопасности не существуют отдельно друг от друга. Безопасность в таком случае – это фактическое состояние общества, которое воспринимается как защищённое от всевозможных угроз, как «замыренная среда» (по М. М. Ковалевскому) или «отсутствие войны всех против всех» (по Т. Гоббсу). Оценка состояния общественных отношений принципиально важна для их квалификации как безопасных. Это связано с тем, что нет объективно опасных или безопасных деяний, событий, явлений, а есть оценка тех или иных деяний, событий, явлений как угрожающих нормальному состоянию социума или безвредных. Такое положение дел вытекает из принципа релятивизма (относительности), господствующего в постклассической науке. На этом, например, настаивает ведущий отечественный девиантолог и криминолог Я. И. Гишинский: «Всякое знание о предмете действительности относительно, неполно, ограничено. Никогда нельзя достичь “полного и окончательного” знания об исследуемом объекте. Это связано, прежде всего, с тем, что все объекты действительности находятся в постоянном изменении. <...> Кроме того, возможности человеческого познания всегда ограничены имеющимися на каждый данный момент времени средствами. Представители естественных наук в процессе познания так или иначе взаимодействуют с объектом и “нарушают” условия его существования (проблема: субъект – прибор – объект). Представители социальных наук “встроены” в изучаемый объект (общество, его сферы и сегменты), подвержены влиянию с его стороны» [5, с. 45-46]. «В реальной действительности нет объекта, который был бы “преступностью” или “преступлением” по своим внутренним, имманентным свойствам, *sui generis, per se*. Преступление и преступность – понятия релятивные (относительные), конвенциональные (“договорные”, как “договоряются” законодатели), они суть – социальные кон-

структы, лишь отчасти отражающие некоторые социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т. п. Но ведь те же самые по содержанию действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне, убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т. п.» [5, с. 217]. Полагаю, что как нет «только хороших» людей (ангелов в нашем несовершенном мире) или «только плохих» (демонов-злодеев), так же невозможно обнаружить «объективно» полезные или вредные деяния, явления, события. Все зависит от точки зрения наблюдателя и принимаемых критериев оценки: увеличение рождаемости – это благо для родителей (в большинстве случаев), но является вредом для экологии или фактором роста преступности; война – отвратительное явление (для большинства населения), но, как правило, она стимулирует развитие техники.

В этой связи бесперспективно искать критерии онтологической безопасности, а куда как важнее исследовать, как именно формируется (конструируется) оценка некоторых деяний, явлений и процессов как опасных, а некоторых из них – как «общественно опасных» при конструировании составов правонарушений. В широком смысле этот процесс осуществляется властью во взаимодействии с населением страны. В теории права политико-правовая связь власти и населения именуется политическим режимом. «Именно политический режим, – утверждает Я. И. Гилинский, – независимо от формы организации власти, определяет политическую жизнь страны, реальные права и свободы граждан, терпимость или нетерпимость к различного рода “отклонениям”, включая преступность, и реальную уголовную политику.

Иначе говоря:

– власть, режим (через законодательный орган) решает, что именно здесь и сейчас следует считать преступлением;

– власть, режим определяет задачи, которые должно решать уголовное право (уголовный закон);

– власть, режим «рекомендует» законодателю структуру и объём деяний, подлежащих уголовному преследованию;

– власть, режим убеждают население – через СМИ, парламентские дебаты, выступления политиков – в целесообразности и полезности такого именно уголовного закона;

– власть, режим осуществляют через правоохранительные органы и уголовную юстицию «правильную» правоприменительную деятельность» [6, с. 183].

Таким образом, безопасность с позиций постклассической методологии [см.: Честнов И. Л. История и методология юридической науки. – Москва: Инфра-М, 2019. – 283 с.] – это не статичная данность отсутствия угроз (не существующая в реальном мире), а процесс определения критериев (параметров) того, что в данном социуме считается опасным (конструирование социального правового представления «безопасность») и их воспроизводство практиками социального контроля.

По мнению американского теоретика права Г. Шу, безопасность – одно из фундаментальных прав человека, содержанием которого является состояние защищённости от всевозможных угроз. Будучи основным правом человека, безопасность одновременно является обязанностью государства, во-первых, не посягать на это право, во-вторых, защищать индивида от посягательств со стороны других лиц, в-третьих, оказывать содействие в защите и восстановлении права [8, с. 84–85]. Об этом же пишут немецкие специалисты в области государственного права, анализируя «основное право как право самообороны и государственная обязанность защиты». «Право на защиту и государственная обязанность защищать – это противоречивые, разновекторные функции основных прав, обеспечивающих свободу. Они гарантируют идентичное конституционное благо от посягательств, которые грозят с разных сторон, как от публичной власти, так и от частных лиц. В одном случае речь идёт о свободе граждан в их отношениях с государственными структурами, в другом – о безопасности в межличностных отношениях. В первом случае государство должно оберегать основные права от своих структур, во втором – от третьих лиц. Так, право на жизнь и телесную неприкосновенность в качестве защитной функции требует от государства воздерживаться от каких-либо мер, которые могут повредить этим благам» [7, с. 188]. Тем самым возникают два принципиально важных вопроса: каково содержание права человека на безопасность и в чём именно должна выражаться обязанность государства по его защите и обеспечению.

Сложность первого вопроса заключается в том, что не существует универсальных критериев, позволяющих провести границу

личной свободы и безопасности других лиц, государства, общества. Исторический, социокультурный (включающий политику и экономику, демографию и все иные социальные факторы) контекст в широком смысле слова определяет, как именно сегодня в данном социуме определяется мера свободы и одновременно безопасности, насколько допустимы, например, ограничения свободы передвижения при глобальной пандемии.

Проблемы организации безопасности как обязанности государства связаны также с отсутствием универсальных рецептов на этот счёт. В общем и целом, как отмечал выдающийся криминолог В. Н. Кудрявцев, меры безопасности направлены против личности, являющейся потенциально опасной (не обязательно «склонной к совершению преступлений», это может быть потенциальный носитель вирусной инфекции и т. п.), и направленные на ограждение того или иного объекта от опасности, суть которой ещё неизвестна, но можно ожидать, что она будет связана с преступным посягательством» [10, с. 317] или общественно опасным деянием или явлением, которые не всегда являются преступлениями (совершение деяния невменяемым или техногенная катастрофа, стихийное бедствие). Такого рода меры постоянно изменяются, совершенствуются вследствие того, что «понятие “вредных”, “опасных” для общества действий трансформировалось до такой степени, что сейчас трудно понять мотивы некоторых запретов» [10, с. 15] и иных мер безопасности. Среди относительно новых мер безопасности, активно используемых, например, в современных англо-американских странах, активно используются «сетевой подход», «меры ситуационного предупреждения», привлечение институтов гражданского общества для обеспечения безопасности. Однако, как справедливо замечает А. Л. Гурин-

ская, новые превентивные меры безопасности, внедряемые неолиберальной правовой политикой в этих странах, обнаруживают несколько парадоксов. Среди них наиболее важным является следующий. «Обнаруживается, что в превентивном государстве рациональный индивид – лишь тот, кто может убедить общество и государство в своей благонадёжности, кто обладает самоконтролем и чутко реагирует на внешние стимулы, а презумпция невиновности заменяется презумпцией опасности. Бремя опровержения этой презумпции лежит не на государственных органах, а на индивиде. Превентивное государство активизирует аппарат насилия при малейшем подозрении на опасность. При этом прогнозы риска основываются на моделях, которые не оставляют шансов не попасть в группу риска тем, кто живёт в опасном районе, рос в неполной семье и не окончил школу. Ты беден, необразован и плохо воспитан? Автоматически ты становишься угрозой. А тот, кто совершил преступление, перестает быть субъектом, исключается из рядов граждан и становится объектом воздействия превентивного наказания, а после его отбывания – дополнительных принудительных мер. Вопрос о субъектности правонарушителя, на которого воздействуют превентивные меры, является крайне дискуссионным» [8, с. 347]. Как видим, вопросов гораздо больше, чем ответов. Все это наглядно свидетельствует о том, что меры безопасности конструируются властью (во взаимодействии с гражданским обществом) и являются контекстуальными и релятивными – относительными тех угроз, которые сегодня считаются наиболее актуальными. Юридическая наука, в том числе, теория права, должна активно разрабатывать проблемные вопросы безопасности в контексте изменяющегося исторического и социокультурного «общества риска».

Список литературы

1. Басова Ю. Ю. Теоретические аспекты и правовые подходы к определению понятия общественной безопасности // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 8. – С. 60–66.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
3. Бек У. Жизнь и выживание в обществе всемирного риска // Западная социология: современные парадигмы: антология / сост., авт. библиогр. очерков Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко. – Минск: Беларуская навука, 2015. – С. 477–488.
4. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова; Д. А. Кибальчича; вступ. статья Д. А. Дмитриева. – Москва: Праксис, 2011. – 352 с.

5. *Гилинский Я. И.* Девиантология: социология преступности, проституции, самоубийств и других «отклонений»: монография. 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013. – 634 с.
6. *Гилинский Я. И.* Девиантность в обществе постмодерна. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. – 222 с.
7. Государственное право Германии. Сокращенный перевод немецкого семитомного издания. – В 2-х т. – Том 2. – Москва: ИГП РАН, 1994. – 320 с.
8. *Гурина А. Л.* Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ: монография. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. – 400 с.
9. *Дзоло Д.* Демократия и сложность: реалистический подход / пер. с англ. – Москва: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 320 с.
10. *Кудрявцев В. Н.* Стратегии борьбы с преступностью. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Наука, 2005. – 366 с.
11. *Нестеров С. В.* Безопасность как философско-правовая категория // Юридическая наука. – 2013. – № 1. – С. 13–17.
12. *Савчук В. В.* Медиафилософия. Приступ реальности. – Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2013. – 350 с.
13. *Степанов А. В.* Общественная безопасность: теоретико-правовой анализ // Вестник АНО ВПО «Прикамский социальный институт». – 2015. – № 1 (69). – С. 29–37.

References

1. *Basova Yu. Yu.* Teoreticheskie aspekty i pravovye podhody k opredeleniyu ponyatiya obshchestvennoj bezopasnosti // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2016. – № 8. – S. 60--66
2. *Bek U.* Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. – Moskva: Progress-Tradiciya, 2000. – 384 s.
3. *Bek U.* Zhizn' i vyzhivanie v obshchestve vseмирного riska // Zapadnaya sociologiya: sovremennye paradigmy: antologiya / Sost., avt. bibliogr. ocherkov G. N. Sokolova, L. G. Titarenko. – Minsk: Belaruskaya navuka, 2015. – S. 477–488.
4. *Giddens E.* Posledstviya sovremennosti. / per. s ang. G.K. Ol'hovikova; D.A. Kibal'chicha; vstup. stat'ya D.A. Dmitrieva. – Moskva: Praksis, 2011. – 352 s.
5. *Gilinskij Ya. I.* Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij»: monografiya. 3-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. – Sankt-Peterburg.: Izdatel'skij dom «Alef-Press», 2013. – 634 s.
6. *Giliiskij Ya. I.* Deviantnost' v obshchestve postmoderna. – Sankt-Peterburg: Aletejya, 2017. – 222 s.
7. Gosudarstvennoe pravo Germanii. Sokrashchennyj perevod nemeckogo semitomnogo izdaniya. – V 2-h t. Tom 2. – Moskva: IGP RAN, 1994. – 320 s.
8. *Gurinskaya A. L.* Anglo-amerikanskaya model' preduprezhdeniya prestupnosti: kriticheskij analiz: monografiya. – Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2018. – 400 s.
9. *Dzolo D.* Demokratiya i slozhnost': realisticheskij podhod / per. s angl. – Moskva: Izd. dom Gos. un-ta Vyshej shkoly ekonomiki, 2010. – 320 s.
10. *Kudryavcev V. N.* Strategii bor'by s prestupnost'yu. – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva: Nauka, 2005. – 366 s.
11. *Nesterov S. V.* Bezopasnost' kak filosofsko-pravovaya kategoriya // YUridicheskaya nauka. – 2013. – № 1. – S. 13-17.
12. *Savchuk V. V.* Mediafilosofiya. Pristup real'nosti. – Sankt-Peterburg: Izd-vo RHGA, 2013. – 350 s.
13. *Stepanov A. V.* Obshchestvennaya bezopasnost': teoretiko-pravovoj analiz // Vestnik ANO VPO «Prikamskij social'nyj institut». – 2015. № 1(69). – S. 29–37.

© Честнов И.Л., 2020

Статья поступила в редакцию 29.03.2020 г.